

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.723

Марцинковская Т.Д.
Психологический институт (г. Москва)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

T. Martsinkovskaya
Psychological Institute, Moscow

PHENOMENOLOGY AND FORMATION MECHANICS OF SUBCULTURE: PSYCHOLOGICAL APPROACH

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются психологические аспекты понятия «субкультура», история его возникновения в России, проводится сравнительный анализ культуры, субкультуры и идентичности, раскрывается роль социальных и индивидуальных переживаний, которые способствуют вхождению человека в определенную субкультуру. Дается анализ субкультуры в рамках искусства и в историческом аспекте на примере субкультуры российской интеллигенции. Приводятся сходные и отличительные черты субкультуры в России и, например, в странах Европы.

Ключевые слова: Субкультура, культура, идентичность, переживания.

Abstract. The article considers the psychological aspects of the concept of subculture and the history of its occurrence in Russia. The author carries out the comparative analysis of culture, subculture and identity, as well as of the role of social and individual emotional experiences in the process of "inculturation" to subculture. The analysis of subculture within the art frames and its historical aspect is given on the example of the Russian intelligentsia subculture. Besides, the similar and distinctive features of Russian and European subcultures are given.

Key words: Subculture, culture, identity, emotional experiences.

Актуальность и значимость исследования субкультуры для современного общества неоспоримы. Актуальность исследуемой проблемы связана с тем, что в настоящее время поле социализации современных людей, в первую очередь, подростков и молодежи в большой мере определяется содержанием их субкультуры, которая ими и создается и которая реально является средой их социализации и индивидуализации. Влияние микросреды на процесс личностного развития и социализации было велико всегда, однако в современных условиях неопределенности и социальных трансформаций, когда трансляция норм и эталонов взрослых подрастающему поколению затруднена, роль субкультуры значительно увеличилась. Актуальность проблемы связана и с тем, что происходящие в обществе изменения транс-

© Марцинковская Т.Д., 2013.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 11-06-00261а «Субкультура подростков как фактор формирования групповой и личностной идентичности».

формировали содержание норм и ценностей, казавшихся устойчивыми. Противоречивый характер происходивших и происходящих в настоящее время изменений привел к появлению неопределенности в социальных ожиданиях, в том числе и по отношению к подрастающему поколению, принятию/непринятию той субкультуры, которая доминирует в молодежных группах. С этой точки зрения крайне важно изучение субкультуры, которое даст возможность точнее оценить роль различных сфер социального и информационного воздействия на процесс личностного развития, в том числе и в один из наиболее сензитивных для этого периодов онтогенеза.

Несмотря на интерес к этой проблеме, термин «субкультура» был введен относительно недавно, хотя понятие давно использовалось в культурологии и этнопсихологии для обозначения культуры национальных меньшинств и социальных групп, не вписывающихся в доминирующую культуру определенного социума или нации. Перефразируя слова Г. Эббигауза, можно сказать, что у психологических исследований субкультуры длинное прошлое, но короткая история. В середине XX в. американский социолог Д. Рисмен ввел понятие субкультуры как культуры группы людей, преднамеренно избирающих стиль и ценности, предпочитаемые меньшинством. В работе Д. Хэбдиджа также подчеркивался маргинальный характер субкультуры и тот факт, что она объединяет людей, которых не удовлетворяют общепринятые стандарты и ценности. Одним из важных моментов, выделяющих работу Д. Хэбдиджа, было акцентирование внимания на активном выборе той или иной субкультуры, в то время как для большинства этнопсихологических и социологических работ доминирующим было представление о пассивном принятии субкультуры группой людей, принадлежащих к национальному или социальному меньшинству, изгоем. Именно этот акцент на активном выборе близкой для человека культуры в качестве своей и роднит подход Д. Хэбдиджа к субкультуре с исследованиями процесса активного вхождения

человека в общество, его социализацией и формированием социокультурной идентичности. Можно говорить о том, что люди выбирают ту культуру, которая по определенным причинам им близка, а в том случае, если эта культура, эта группа людей, которая является носителем данной культуры, придерживается отличающихся от общепринятых стандартов поведения и ценностей, говорят о ее принадлежности к субкультуре, а не культурному мейнстриму [3; 4]. Вопрос в том, что считать в данном случае мейнстримом, остается за скобками, так же как и причины выбора именно этой группы именно этого культурного содержания. Но как раз эти вопросы и являются приоритетными при психологических исследованиях субкультуры как одной из форм инкультурации и социализации человека.

В настоящее время существует несколько подходов и дискурсов в понимании, исследовании и интерпретации понятия субкультуры. Современные философские концепции субкультуры рассматривают ее в нескольких парадигмах: философии культуры, социального взаимодействия, синергетической и структурно-динамической [1; 6]. Структурно-динамический подход акцентирует внимание на целостности определенной субкультуры, охватывающей все (или почти все) стороны взаимоотношений человека с миром – поведение, внешний вид, язык, ценности и т.д. При этом основное внимание уделяется тем изменениям, которые претерпевает в процессе своего развития та или иная субкультура, ее динамическим, качественным и количественным трансформациям. Так как такие изменения наиболее выпукло отражаются во внешних параметрах – одежда, стиль общения, нормы поведения, то естественно, что именно эти аспекты и являются ведущими в данных исследованиях.

Акцент на изменения, трансформации делается и в русле синергетического подхода, существенным отличием которого является то, что анализируется не столько содержание динамики, сколько ее энергетическая составляющая, характеризующая субкультуру с

точки зрения ее энергетического потенциала и возможностей усиления/угасания и структурирования /деструктурирования направления развития.

На основании внешних характеристик различают субкультуры, формирующиеся на национальном, демографическом, профессиональном, географическом, возрастном и других основаниях. Общим для большинства основных современных классификаций субкультуры является то, что они основываются преимущественно на ее внешних параметрах. Выделяются также неформальные группы (понятие, практически тождественное понятию «субкультура» в отечественной социологии), объединяющие людей (преимущественно подросткового возраста) с одинаковыми увлечениями. Так, существуют группы подростков, увлекающихся музыкой, играми (как ролевыми, так и компьютерными), спортом и т.д. Внутри этих групп, соответственно, выделяют: готов, панков, эмо, игровиков и геймеров, спортивных фанатов, байкеров и т.д. В некоторых социологических классификациях, помимо внешних признаков принадлежности к неформальной группе (одежды, стиля общения и т.д.) и сферы интересов (музыка, спорт, экология, политика), учитывается и время, затрачиваемое на общение в группе.

Одним из современных вариантов субкультуры в философии и социологии являются корпоративная культура и мода, которая предполагает и подражание, и индивидуализацию личности. Корпоративная культура отличается тем, что помимо значения ее внешней формы (прежде всего, дресс-кода), огромную роль играют нормы и ценности, с которыми в той или иной степени идентифицируются сотрудники корпорации.

С точки зрения психологии наибольший интерес представляют философские концепции субкультуры – как современные, так и отстоящие во времени, прежде всего, концепция социального взаимодействия Г. Зиммеля [7]. По Г. Зиммелю, жизнь есть поток переживаний, но сами эти переживания культурно-исторически обусловлены. Как

процесс непрерывного творческого становления, жизненный процесс неподвластен рассудочно-механическому познанию. Только через непосредственное переживание событий истории, многообразных индивидуальных форм реализации жизни в культуре и интерпретацию на основе этого переживания прошлого можно постичь жизнь. Исторический процесс, по Г. Зиммелю, подчиняется судьбе, в которой, в отличие от природы, господствует закон причинности. В этом понимании специфики гуманитарного знания Г. Зиммель близок психологии и философии жизни В. Дильтея.

С точки зрения Г. Зиммеля, в основе социального взаимодействия лежат такие разноплановые и разновекторные стремления, как стремление к подчинению и господству, соревнованию и примирению, кооперации и уходу от сотрудничества. Эти стремления вызывают не только разноплановые переживания, но и структурируют модели развития, то есть процесс расширения состава группы и одновременного увеличения ее индивидуальности и индивидуализации ее членов. Таким образом, если следовать логике Г. Зиммеля, расширение неформальной группы лишает ее сплоченности и ведет к распаду. В то же время процесс развития многих современных субкультур показывает обратное – расширение численности приводит к усилению, а не ослаблению субкультуры и росту ее влияния, что свидетельствует о специфическом характере психологических и социально-психологических характеристик субкультуры. В то же время необходимо подчеркнуть, что именно Г. Зиммель был одним из первых ученых, кто фокусировался не только на внешних, но и на внутренних параметрах социальных групп, в том числе личностных качествах ее членов.

Методологически концепция «философии жизни» Г. Зиммеля может в исследованиях субкультуры связываться и с идеями постмодерна о междисциплинарности и трансформациях, происходящих в науке и культуре, в том числе идеям М. Маффесоли о трансформациях праздничного и повсед-

невного в современной культуре, М. Бахтина о карнавальной культуре [5]. Одной из наиболее интересных с точки зрения психологии на сегодняшний день представляется концепция «социология воображения». Эта концепция в ее разных вариантах (Д. Кампер, Ч.Р. Миллс) дает теоретические основания для анализа связи между человеком и тем микросоциальным миром, который он создает вокруг себя. Одним из вариантов такой связи может считаться и субкультура [8].

С точки зрения психологических подходов к исследованию субкультуры для данного проекта большой интерес представляют работы философа М. Маффесоли, в которых трансформации, происходящие в современной культуре, связываются с возможностью обретения (создания) людьми новой идентичности. В этом контексте значимыми являются и работы П. Бергера и Т. Лукмана, доказывающие, что человек в значительной степени сам конструирует окружающую социальную действительность. Этот подход раскрывает широкие возможности личной активности и личного творчества в построении окружающего мира, в том числе и групповой культуры, групповых норм и правил поведения.

Однако представляется, что такой подход недостаточен для того, чтобы перейти от констатации к анализу причин формирования и/или доминирования в определенный период времени того или иного содержательного наполнения субкультуры (или нескольких субкультур). Исследование процесса интериоризации определенных эталонов и норм субкультуры, ее влияния на внутренний мир личности, диктует необходимость связать ее нормы, правила и язык с содержанием личностной идентичности человека и с отношением к ней представителей других социальных групп. Представляется, что наиболее значимыми в этом плане являются современные интерпретации подходов к развитию идентичности в символическом интеракционизме и когнитивной психологии [6; 7].

Развивая идеи Дж. Мида, Э. Гофман постулировал, что Я-идентичность свободна

от каких-либо ролевых или межличностных детерминант, социальная идентичность, напротив, является совокупностью различных ролей, интериоризируемых в процессе социализации. При этом социальная идентичность рассматривалась не только как определяющая «Я», но и равная ему. Важным моментом этой позиции является не только значение различных ролей в становлении разных видов идентичностей, но и разведение понятий личностной идентичности (как социального феномена) и Я-идентичности. Методологические позиции, раскрывающие взаимосвязь личностной и социальной идентичности особенно важны при изучении взаимосвязи категоризации и самокатегоризации в процессе выбора групповой субкультуры и идентификации с ней подростков. В этом плане актуальными остаются идеи «баланса идентичности» Ю. Хабермаса и взаимосвязи личностной и социальной идентичности Г. Брейкуэлл. Ю. Хабермас говорил о совокупности личностной и социальной идентичностей, представляющие собой два измерения, в которых реализуется балансирующая Я-идентичность. Г. Брейкуэлл подчеркивала вторичность личностной идентичности по отношению к социальной, так как именно во взаимодействии с социальным миром человек активно усваивает понятия, с помощью которых познаёт себя. Х. Тэджфел и Дж. Тэрнер рассматривали идентичность как когнитивную систему, регулирующую поведение человека, при этом личностная и социальная идентичность представляют собой два полюса единого биполярного континуума. На одном полюсе – поведение, полностью определяющееся социальной идентичностью, на другом – личностной идентичностью. В целях приспособления к различным ситуациям идентичность регулирует поведение человека, делая более выраженным осознание либо социального, либо личностного аспектов.

Еще одним моментом, значимым при исследовании влияния субкультуры на идентичность подростков, является анализ их социальных представлений, рассматриваемых

современными учеными (С. Московиси, Г.М. Андреева, А.И. Донцов, Т.П. Емельянова) как одна из форм знания, помогающего человеку понять окружающую его социальную действительность. Социальные представления способствуют формированию групповой идентичности, так как их общность (возникающая при идентификации с содержанием групповой субкультуры) лежит в основе формирования и общего для данной группы взгляда на мир.

В целом можно говорить о том, что проблема субкультуры может рассматриваться в нескольких аспектах:

- субкультура разных возрастных и социальных групп. Здесь наиболее значимыми представляются вопросы, связанные с передачей субкультуры в процессе межпоколенной трансмиссии и культурно-исторический анализ динамики и содержания субкультуры разных социальных групп.

- протестная субкультура, субкультура и дауншифтинг;

- субкультура неформальных объединений;

- этническая культура и субкультура.

Перечисленные выше вопросы объединяет внешний по отношению к личности критерий – принадлежность к определенной группе. Два других направления исследований:

- 1) анализ механизмов образования, развития и угасания субкультуры;

- 2) анализ взаимосвязи содержания субкультуры и ценностных ориентаций, личностных качеств и переживаний; он предполагает изучение внутренних критериев и личностной феноменологии приверженности субъекта определенной субкультуре.

При этом необходимо исходить из того, что субкультура не обязательно должна принимать ярко выраженную внешнюю форму. Практически в каждой, даже формальной группе есть элементы собственной субкультуры, связанные и с организационной культурой образовательного учреждения, и с ценностями семьи и социальной среды, и с увлечениями и ценностями людей. Менее

ярко выраженный внешний характер этой субкультуры делает ее не менее, но зачастую более важным фактором влияния на личностную идентичность и самоопределение, а потому нуждается в тщательном и всестороннем исследовании.

Бросающиеся в глаза феномены – одежда, язык, обряды, формы поведения и т.п., не являются, по сути, главным, объединяющим людей фактором, но лишь определенным способом показать свою принадлежность к конкретной группе (или удержать колеблющихся). При этом, чем менее эмоционально насыщена данная субкультура, чем меньше людей ее разделяют ее ценности, тем в большей степени, как правило, она ориентирована именно на внешние параметры и тем более агрессивна.

С точки зрения психологии важен тот факт, что принадлежность к субкультуре (так же как и к культуре) связана с общностью ценностей и норм, их эмоциональным принятием всеми членами, входящими в данную субкультуру, то есть вхождение в субкультуру связано, как и в случае с социализацией, с общими переживаниями, которые не всегда осознаются. Чем больше людей их испытывают – тем быстрее субкультура станет культурой.

Наиболее важным и с теоретической, и с практической точек зрения, является изучение механизмов интериоризации задаваемых субкультурой ценностей и норм, анализ их трансформации в мотивы и ценностные ориентации личности.

Это связано с выработкой нового отношения, переживания новых знаний как своих, что и приводит к развитию мотивации, лежащей в основе нового поведения. Новая мотивация появляется либо в результате идентификации себя со значимыми эталонами или конкретными людьми, уже входящими в данную субкультуру и занимающими в ее иерархии высокое статусное место, либо с развитием индивидуальных и социальных переживаний. Индивидуальные и социальные переживания имеют разные функции, связанные с принятием себя и формированием

самосознания (индивидуальные) или принятием социального окружения и формированием культурного сознания (социальные). И в том, и в другом случае именно развитие переживаний делает субъекта личностью, вводя его в поле культуры. Постигая ее содержание и вырабатывая определенное (положительное или отрицательное) отношение к этому миру, человек идентифицирует себя (или отторгает) с этой действительностью. При идентификации возникает социальная (этническая, культурная) идентичность [3].

Когнитивный компонент переживания дает возможность не только более точно понять ситуацию, но и более адекватно сконструировать ее образ, а также отношения, необходимые для реализации своих потребностей в данной ситуации и с данными людьми. В этом плане когнитивный компонент переживания способствует социализации и инкультурации человека. При этом переживания маркируют процесс вхождения в социум или/и культуру – как процесс постижения и конструирования ситуации и отношений в ней, и являются в определенной степени продуктом этого процесса – как положительное или отрицательное переживание ситуации в зависимости от успешности или неуспешности поведения. И здесь вступает в силу второй компонент переживания – его интенциональный, динамический аспект, связанный с побуждением к определенным действиям с конкретными объектами и с постижением их сути и смысла для субъекта. Так, в реальной деятельности переплетаются оба параметра переживания, давая возможность человеку соотнести оба плана в постижении образа мира и себя, – объективный и субъективный.

Переживания, интериоризируя приобретаемые знания, соотносят их с личностными ценностями, формируя смысл новых знаний, правил и новые мотивы, направленные на достижение и реализацию новых смыслов и ценностей, при этом одновременно и оценивая (или переоценивая) себя в соответствии с этими новыми понятиями. Таким образом, переживания соотносят содержание лич-

ностной и социокультурной идентичности, соединяя их в обобщенное и непротиворечивое представление человека о себе и своем месте в окружающем мире. Исходя из этого, они могут рассматриваться как механизм, при помощи которого развивается процесс социализации (и инкультурации, в нашем случае, вхождения в субкультуру) и формируется идентичность человека как целостная и непрерывная во времени система [3].

Безусловно, нельзя рассматривать всю субкультуру только с точки зрения ее связи с общей культурой, так как она всегда может являться (и является) культурой определенной группы, по разным причинам не разделяющей нормы и ценности большинства. В этом случае вопрос состоит в изучении не только причин идентификации именно с этой групповой культурой, но и отторжения от культурного мейнстрима. Надо иметь в виду и тот факт, что, если абстрагироваться от обобщенных составляющих культуры (искусство, наука, язык), можно говорить о том, что в определенном обществе, в конкретный исторический, социальный период доминируют либо ценности одной группы, либо ценности нескольких групп. В первом случае все несогласные с доминирующей группой автоматически переходят в субкультурные группы, хотя с точки зрения языка и одежды могут от нее не отличаться. Во втором случае можно говорить о субкультуре с некоторой натяжкой, так как сложно сказать, что является субкультурой, а что доминирующей культурой, отличающейся от доминирующей идеологии. Интересно, что – в этом аспекте проблема субкультуры характерна именно для России, в то время как о светской и духовной субкультуре можно говорить применительно ко всей Европе.

Особый интерес представляет в этом плане субкультура российской интеллигенции, которая, с одной стороны, смыкается с ее идентичностью и мировоззрением, а с другой – с содержанием научных и художественных открытий XIX–XX вв. Понятие интеллигенция появилось в середине XIX в. в результате реформ, изменения социальной, обществен-

ной, политической и экономической ситуации в России. В это время появилась новая большая неформальная группа, которая в результате расслоения уровня образования составила основу различных общностей. Наиболее активная часть этих людей сделала состояние, став крупными купцами и промышленниками. Наиболее косная и малоактивная часть осталась на земле или перешла в городское сословие (мещанство). Наиболее пассионарная и стремящаяся к обретению знаний, к научной и художественной деятельности общность людей стала новой, разночинной интеллигенцией. Большинство из них были образованными людьми в первом поколении, поэтому у них не было возможности укорениться в собственной семье или родне, их группой идентичности стала именно профессиональная общность, объединенная общими целями и стремлениями. По-видимому, общие ценности и установки были более поздним продуктом объединения этой группы, необходимыми им для сплочения и формирования целостной идентичности, в которой соотносились бы личностные и групповые ценности и мотивация [1; 6].

Можно предположить, что социальная ситуация привела к появлению интеллигенции, направленность общества на реформы – к целеобразованию, к оформлению и осознанию ролевой структуры этой группы, определившей частично и содержание их социальной идентичности. Особенности положения этой группы в общественной структуре российского общества, сложности во взаимоотношениях с другими большими группами (аристократией, чиновничеством, крестьянами) привели к обособлению, акцентуации оппозиционности и нравственных, духовных, а не материальных ценностей. Эти черты, а также профессиональная, познавательная мотивация, составили, в свою очередь, содержание уже личностной идентичности интеллигентов, которая стала ведущей при идентификации людей, стремящихся попасть в эту группу. При этом большинство параметров именно

личностной идентичности оказались наиболее устойчивыми, став чертами социальной идентичности этой группы людей. Именно эти качества, характеризуемые в дальнейшем как субкультура интеллигенции, соединили содержание обеих частей структуры идентичности и определили в новых социальных условиях – и в начале XX в., и в советское, и постсоветское время, критерии, по которым происходит идентификация с этой группой. При этом важным моментом является то, что в процессе становления идентичности, образ мира и себя у представителей этой группы стал достаточно целостным, сформировались и установки, установки общества к этой группе и уже не зависели от позиции в ней конкретного человека. Поэтому, несмотря на идейные разногласия внутри интеллигенции и вербальное отчуждение от нее части образованных людей (например, веховцев), реально идентифицироваться они могли только с ней, так как идеология и ценности других групп существенно отличались от принятых и допустимых для интеллигента, не было между ними и взаимного принятия.

Доказательством того, что обе группы (идентифицирующиеся с интеллигенцией и отвергающие свою тождественность с ней), реально принадлежали именно к субкультуре интеллигенции является тот факт, что в обеих группах не выявлено эмоционально нейтрального отношения к этой субкультуре и отчужденности от нее, но явно присутствуют яркие переживания своих взаимоотношений с ней – положительные или отрицательные. При этом основной проблемой, которую и в теоретическом, и в практическом плане решали представители интеллигенции, являлась проблема взаимоотношений власть – народ – интеллигенция.

Советская интеллигенция вобрала в себя черты обоих видов интеллигенции дореволюционной, а ее неоднородность позволяла ей сохранять и оппозиционность как важнейший принцип построения отношений с властью, и функции государственного управления (при вхождении в группу чиновничества), и духовного развития общества

(деятели науки и культуры, учителя). При этом основной проблемой, которую и в теоретическом, и в практическом плане решали представители интеллигенции, по-прежнему являлась проблема взаимоотношений власть – народ – интеллигенция. Именно эта проблема, наряду с отношением к мейнстриму в идеологии и культуре, стала отличительной характеристикой мировоззрения (и субкультуры) интеллигенции.

Анализ внутренней специфики субкультуры российской интеллигенции показывает, что при разных социальных установках и политических взглядах у представителей всех групп интеллигенции есть общность в: ценностных ориентациях, аттитюдах к другим социальным группам, мотивационной направленности (ведущими в иерархии мотивов является стремление к самореализации, при вербальной направленности на «служение», к творчеству, на духовные, бытийные, а не дефициентные ценности). Причиной духовного кризиса и, частично, появления нескольких течений в группе интеллигенции является борьба мотивов, причина которой – в неадекватной и чисто российской установке на несовместимость служения и самореализации.

Исходя из этого, представляется вторичным сам набор декларируемых черт, по которым определяется интеллигенция – образование, социальный статус, оппозиционность и т.д., так как при постоянстве и общности приведенных выше качеств, эти свойства изменяются со временем и отражают во многом не сами установки интеллигенции, но ожидания и установки общества по отношению к этой группе.

Субкультура отечественной интеллигенции стала важным фактором, оказавшим влияние на российскую науку, так как становление научных школ происходило внутри этой группы, в которой находились и основные оппонентные круги новых научных теорий. Таким образом, можно говорить о том, что субкультура интеллигенции стала и мировоззрением творческой элиты России, ее ученых и художников. В этом плане рос-

сийская интеллигенция не имеет аналогов в Европе ни по своему мироощущению, ни по своей роли в развитии общества.

Для российской интеллигенции важно было не просто принять, но активно взаимодействовать с социальной ситуацией и в ней. Поэтому социальная идентичность интеллигенции предполагают не только пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, т.е. выработку определенных знаний и умений, адекватно применяемых человеком в данной социальной действительности. В качестве одной из важных образующих выступает и национальная культура, относясь к которой человек формирует национальную идентичность. Идентификация же с образом интеллигенции позволяет выработать этот вид идентичности, помогая формированию активной позиции, самоактуализации, несмотря ни на какие препятствия.

Вопрос о том, каким образом, при помощи каких психологических механизмов культурное поле отражается в идентичности человека, его мотивации, ценностных ориентациях, во многом остается открытым и на сегодняшний день. Поэтому такой интерес представляет изучение содержания и динамики становления субкультуры российской интеллигенции, так как оно помогает ответить на вопрос о взаимодействии и взаимообусловленности идентичности, представлений о себе и культурного поля.

Особый интерес представляет анализ различий между содержанием культуры и субкультуры в конкретные периоды времени и исследование их перехода и взаимодействия друг с другом. Наиболее адекватной моделью для такого изучения является искусство, так как с определенными ограничениями можно говорить, например, об импрессионизме, кубизме или авангарде (или символизме, имажинизме, футуризме) как субкультуре, которая в течение полувека стала классической культурой.

Причины появления этой субкультуры, безусловно, связаны с кризисом, обозначенным как «закат Европы». Но как только ощу-

щение кризиса и временного разлома стало переживаться многими людьми, эта субкультура стала если не мейнстримом в живописи/литературе, то классикой и одной из составляющих мировой культуры в целом, а не только живописи-литературы. Нечто подобное можно говорить и об атональной музыке, и, в еще большей степени, о современной рок-музыке, перешедшей уже на наших глазах из субкультуры в культуру [5].

Кристаллизованные в произведении искусства переживания творца объективируются в культурном поле, влияя на представления о себе большой группы людей, которые в дальнейшем раздвигают (или, напротив, сужают) горизонты этого поля. Так, в психологии людей Серебряного века доминировало предчувствие дисгармонии, драмы, они ощущали нарушение целостности мира, что во многом было связано и со сломом традиций, и нарушением идентичности, которая всегда происходит на рубеже веков. Эти переживания отразились и в названии «серебряный», в котором видны мифологические отголоски постепенного усиления мрака и отчаяния при переходе от прошлого к будущему. В древности был золотой век, век гармонии и счастья, дальше – хуже, страшнее, опаснее и дисгармоничнее, что отразилось и в названии – серебряный, оловянный, железный и т.д. Это ощущение доминировало в работах художников еще до того, как они прошли через все проблемы XX в., все его драматические изломы и было характерно не только для российской культуры, хотя в ее содержании, как и в нашей истории, получило самое драматическое воплощение.

Видимо, можно говорить о том, что в данных случаях индивидуальные переживания кризиса, хаоса, разлома привычного уклада жизни, ставшие достоянием многих, сделали эти переживания социальными, то есть общими для многих людей и связанными уже не только с их личными тревогами и неуверенностью в будущем, но с переживаниями слома эпохи. В некоторой степени можно говорить о том, что Э. Эриксон называл социальной идентичностью, когда найденная

одним человеком идентичность становится всеобщей. Если в этом плане рассматривать М. Лютера, можно констатировать, что исповедуемый им вариант религиозного опыта из субкультуры превратился в культуру [2; 9; 10; 11].

Субкультура, таким образом, может рассматриваться как один из вариантов идентичности, в котором соединяются социокультурной и личностный ее аспекты. Ведущим механизмом формирования субкультуры в таком случае являются социальные переживания, связанные с поиском своего места в жизни, целей и ценностей самореализации. Именно эта внутренняя составляющая является ведущей с точки зрения психологии, так как результат таких поисков определяет и знак, и силу переживаний. Социальные переживания, соединяя внешние ценности с личностными, вводят человека в мир данной субкультуры. В процессе самоопределения и осознания своего будущего происходят категоризация и самокатегоризация, связанные с когнитивными компонентами переживания. Одновременно с этим самокатегоризация, соотношение своего стиля жизни с предлагаемым группой, актуализирует интенциональный (мотивационный) компонент переживания. На этом этапе вхождения в субкультуру индивидуальные переживания маркируют для человека и его отношение к культуре, доминирующей в данной социуме. Отношение субкультуры в целом к другим культурам, существующим в данном обществе, определяет, одновременно, и степень их принятия-отвержения.

Изменение представлений о себе, своих целях и ценностях, связанное, например, с решением задач возрастного и/или личностного развития, преодолением кризисных периодов и выбора нового пути личностного становления, естественным образом меняют и представления о близкой человеку субкультуре и, соответственно, ее смену. Неизменность и устойчивость этих представлений определяют приверженность к данной субкультуре на протяжении всей жизни, преобразуя ее в стиль жизни.

Таким образом, психология субкультуры содержательно связана с идентичностью, жизненными целями и ценностями человека, а ее механизм, как и при социализации, являются социальные и индивидуальные переживания. Внешние же параметры (нормы поведения, одежда, традиции, язык и способы общения, любимые персонажи и т.д.) помогают структурированию и объединению людей, принадлежащих к данной субкультуре, в единую группу. Принадлежность к субкультуре, поддерживаемая внешними, более понятными и выполнимыми (и одновременно легко контролируемые) нормами, одновременно и поддерживает групповую идентичность, и помогает самокатегоризации человека. Водораздел с доминирующей культурой в данном случае связан с отношением (переживанием) человека к миру и своему месту в нем. При этом, чем меньше ценности мейнстрима совпадают с личностными (групповыми), тем в большей степени данная субкультура противостоит мейнстриму, а чем меньше общество принимает данную субкультуру, тем более она агрессивна.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Идентичность российской интеллигенции. – М., 2006.
2. Камю А. Человек бунтующий //Философия. Политика. Искусство. – М., 1990.
3. Категория переживания в психологии и философии. – М., 2005.
4. Личность, культура, этнос (современная психологическая антропология). – М., 2001.
5. Марцинковская Т.Д. Искусство в современном мире – новые формы и новые – старые механизмы воздействия // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 3.
6. Марцинковская Т.Д. Ментальность и ее отражение в науках о человеке. – М., 1994.
7. Марцинковская Т.Д. Проблема эстетических переживаний в концепции Г. Шпета / Вопросы психологии. – 1999. – № 6.
8. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М., 2001.
9. Сумерки богов. – М., 1990.
10. Фрейд З. Художник и фантазирование. – М., 1995.
11. Эриксон Э. Молодой Лютер. – М., 1996.